

УДК 81'373.231+81'373.611

ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ НАЦИИ

Т. В. Габлина

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Статья посвящена роли делового языка в процессе формирования нового русского литературного стандарта. Рассматривается характер нормы в деловом языке в период ХУП–ХУШ вв.

Ключевые слова: *деловой язык, русский язык, языковая культура*

В исследованиях по истории литературного языка трудно выделить другой такой феномен языковой культуры, как деловой язык, роль которого была бы столь противоречиво и неоднозначно представлена в научных описаниях. В иерархии изучаемых текстов по истории формирования русского литературного языка особое место отводилось памятникам сакрального характера, ибо считалось, что в течение многих столетий именно они выполняли роль «камертона правильности» [1, с. 61], причем не только литературного, но и нравственно-этического. Действительно, в системе средневековой культуры произведения книжно-религиозной словесности имели особое значение в художественно-эстетическом освоении мира. Они являлись мощным накопителем духовной энергии, до сих пор питающей русскую культуру. Предназначение же деловой письменности было иным: она была направлена на мир реально-практического бытия.

Культура делового текста – одна из форм письменной культуры, теснейшим образом связанная с языковым стилем эпохи, историческим характером времени, народом и субъектом, который через слово непроизвольно отражает традиции, обычаи, систему норм этнического коллектива. Деловая письменность представляет собой «совокупность документов, обеспечивающих административно-управленческую деятельность государства и регулирующих правовые отношения между членами общества» [2, с. 3]. В лингвистических разработках по отношению к номинации языка делопроизводства употребляются термины *приказный* и *деловой*. Однако, например, С. И. Котков под приказным языком понимал лишь язык актовой, то есть государственно-правовой письменности [3, с. 45]. Само же понятие актовой или государственно-правовой письменности не может включать в себя всю сущность делового письма с его жанрами, формами, композиционной структурой и языковыми данными.

Вопросом принципиальной важности, определившим ход лингвистических исследований, становится отношение к деловым документам ХУП–ХУШ вв. как к источникам, по-разному запечатлевшим языковую реальность времени. Благодаря близости к разговорно-бытовой стихии деловые документы не только отражали явления, характерные для разговорного языка эпохи, но и способствовали их распространению. В ХУП

веке складывается единая, но разветвленная система делопроизводства. В это время нормы, сформировавшиеся в приказных управлениях столицы, получают широкое распространение на всей русской территории. Изучение памятников письменности делового характера позволило определить, что в условиях крайней централизации власти в Московском государстве формировалось национально-письменное самосознание, носители русского языка по-новому осмысливали замысел и значимость государственных преобразований.

Периферийные писцы подражали московским дьякам, а служащие столичных канцелярий считали себя законодателями в ведении деловой документации. Поиск нормы и признание ее правильности в тот или иной временной отрезок – процесс сложный, зависящий от социально-исторических и собственно-лингвистических факторов. Разговорная речь составляла основу деловой письменности, но подвергалась определенной нормализации в системе делового изложения. Деловые документы не писались языком повседневности, не были тождественны разговорной речи. На разговорную стихию накладывались многовековые традиции делового составления текста.

В основе делопроизводственной практики лежит желание человека регламентировать социальную, гражданскую, юридическую жизнь общества. Формирование языка делопроизводственных документов напрямую связано с жанрами и видами деловых текстов. К XVII веку деловая письменность была тематически разветвлена, где каждый конкретный тип документа определялся содержанием и целевым назначением. Сам деловой язык был посредником между миром бытийным, миром юридической практики и миром культуры, в нем отражалась интеллектуальная рефлексия русского народа.

В начальный период формирования языка на национальной основе литературно-языковая ситуация определялась не только оппозицией церковнославянский / русский, но и тем, какое место занимала деловая письменность в становлении языковых норм. Определяя место деловой письменности в языковой ситуации XVII–XVIII вв., С. И. Котков пишет: «В процессе обслуживания почти всех и особенно актуальных потребностей общества в языке деловой письменности вырабатывались такие возможности общерусского общения..., что язык указанной письменности становится важнейшим объединительным фактором в начальную эпоху формирования русского национального языка, органически связанного, с одной стороны, с народно-разговорной стихией, с другой- с культурой литературного языка» [4, с. 65]. Очевидно, что язык деловых документов оказал решающее воздействие на становление нового языкового стандарта – русского литературного языка.

На рубеже XVII–XVIII вв. в языковом сознании каждого члена социума пересекались и противопоставлялись друг другу три феномена языковой культуры: *церковнославянский язык*, который ассоциировался с культовой и литературно-религиозной сферой деятельности, *деловой язык*, призванный обслуживать законодательно-бытовую реальность, и *устная речь*, являвшаяся средством повседневной коммуникации людей. Взаимодействие церковнославянского и делового языка носило не только характер временного и пространственного единства, но осуществлялось еще и в сознании носителей

языка. Существовая в объективном времени, оба феномена структурно и функционально отражали свое пребывание в нем.

Как и церковнославянский язык, деловой язык был нормирован, но характер нормы был иным. В преднациональный период язык церковной книжности осознавался не только как правильный, но и сакральный. Его престиж был очень высок в обществе людей, социокультурная жизнь которых была во многом подчинена религиозным правилам и установкам. Нормированность церковнославянского языка реализовывалась на уровне собственно-языковой системы и поддерживалась богословско-догматическими, нравственно-этическими, философскими принципами, оставшимися неизменными в течение многих веков.

В отличие от книжного языка язык деловых текстов не был обусловлен категориями философского порядка, а нормы, реализуемые в языке делопроизводства, опирались на узус живой разговорной речи, что позволяло им быть более подвижными и изменчивыми. Противоречивые отношения между самой системой языка и нормой, складывавшейся в делопроизводственных текстах, зависевшей от жанра, выучки писца, целевого назначения документа, способствовали исторической динамике языка деловой письменности. В языке церковной книжности так же, как и в деловом, сосуществовали варианты нормы, появление которых было связано с постижением сакрального опыта, с интерпретацией Слова Божьего в человеческом сознании. Вариантная форма в книжной письменности почти никогда не опускалась до уровня быта. В языковой же ткани деловых текстов отмечаются как устойчивые языковые факты, свойственные текстам всех территорий, так и индивидуальные языковые элементы, отражающие язык определенного региона.

С образованием языка национального периода церковнославянский язык смещается на периферию языковой деятельности. Формирование литературного языка национального типа опирается на язык деловых текстов, а сфера деятельности церковнославянского языка постепенно сужается до культовой, узко конфессиональной, влияние церковной идеологии уменьшается. Кроме этого, улавливая историко-культурные вибрации своего времени, общественная мысль меняет свое отношение к системе образования.

Долгое время в науке господствовало мнение, что «древняя Русь вплоть до самого Петровского переворота не имела не то что образованности, но и даже книжности...» [6, с. 1]. Однако известно, что священнослужители были вполне грамотными людьми, а дьяки нередко упражнялись не только в составлении деловых бумаг, но и занимались литературным творчеством. Изучая русскую культуру, Ю. М. Лотман пришел к выводу, что на Руси обучение было вполне доступным [5, с. 48]. Многие выводы современных историков не противоречат данным наблюдениям. И если в период донациональный тексты делового содержания не обладали информативной способностью в процессе усвоения письменной культуры, то в эпоху становления языка на национальной основе обучение проходило по образцам деловых бумаг.

В эпоху образования Московского государства на развитие деловой письменности повлиял ряд факторов социально-экономического,

политического, историко-культурного характера. Во-первых, функции делового языка расширились в связи с потребностями развивающегося под властью Москвы государства. Во-вторых, сфера бытования делового языка не была подчинена только законодательной основе: на нем создавались публицистические сочинения, хозяйственные и научные отчеты. В период формирования языка на национальной основе деловой язык становится предметом общественного внимания. Слово делового текста воспринимается не только как знак культуры письменной, но и как знак, обладающий мощной юридической силой.

Тексты делопроизводства писались по типичным образцам, а служащие канцелярий, приказов, составляя деловые бумаги, соблюдали строгую последовательность в порядке изложения и представления фактов. Регламентированное написание текста становится мощным фактором в формировании и закреплении языковых норм по всей территории российского государства.

В ХУП–ХУШ вв. весь процесс языкового развития подчиняется единой тенденции – выработке общерусских письменно-речевых форм, отражающих культурное самосознание и, соответственно, характеризующих языковое сознание, складывающееся под воздействием разных сфер языковой деятельности. В этом плане язык деловой письменности становится той формой коммуникации, которая лучше всего позволяла реализовать замыслы и стремления народа по отношению к главной составляющей любой нации – языку, поскольку он неразрывно был связан и с книжно-письменной культурой, и с реальностью человеческого бытия.

Список литературы

1. Бобрик, М. А. Представления о правильности текста и языка в истории книжной sprawy в России (от XI до XVIII вв.) [Текст] / Л. Ф. Копосов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4. – С. 61–85.
2. Копосов, Л. Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности [Текст] / Л. Ф. Копосов. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. – 80 с.
3. Котков, С. И. О памятниках народно-разговорного языка [Текст] / С. И. Котков // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 37–45.
4. Котков, С. И. Источниковедческие вопросы истории русского языка [Текст] / С. И. Котков // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 60–69.
5. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русских дворян (XVIII – нач. XIX вв.) [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000. – 398 с.
6. Прот. Флоровский Георгий. Пути русского богословия [Текст] / Георгий Флоровский, прот. – Киев : Изд. Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. – 599 с.

**BUSINESS LANGUAGE AS A PHENOMENON OF LINGUISTIC
CULTURE OF THE PERIOD OF FORMATION OF THE RUSSIAN
NATION**

T. V. Gablina

Tver State University
the department of Russian language

The article is devoted to the role of language in the process of forming the new Russian literary standard. Considers the nature of the rules in business language during XVII–XVIII centuries.

Key words: *business language, Russian language, linguistic culture*

Об авторах:

ГАБЛИНА Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, ул. Желябова, 33), e-mail: tgablina@yandex.ru